

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31857/S086919080024664-7

РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ ДЛЯ БУРСКИХ РЕСПУБЛИК.
НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ИДЕЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
БРИТАНСКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ

© 2023

Б.М. ГОРЕЛИК ^а^а – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Резюме: *Англо-бурская война 1899–1902 гг., один из важнейших вооруженных конфликтов эпохи империализма, вызвала отклик в России, в том числе в правящих кругах. Российское общественное мнение поддерживало борьбу за независимость бурских республик: Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства. Со своей стороны, правительства республик формировали у сограждан убеждение в том, что Российская империя как инициатор Гаагской мирной конференции и единственная великая держава, никогда не имевшая колоний в Африке, сможет объединить другие государства Европы и США, чтобы помочь бурам в противостоянии британскому империализму.*

К июню 1900 г. стало очевидно, что великие державы не предпримут военных действий в защиту южноафриканских республик. Более того, эти государства не смогли преодолеть свои геополитические противоречия, чтобы сообща предложить посредничество или добрые услуги воюющим сторонам. По поручению официальной бурской депутации, находившейся с визитом в США, трансваальский посланник передал внешнеполитическим ведомствам России и ее союзницы Франции просьбу о принятии совместного протектората над Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством.

Документальные свидетельства об этом демарше, до сих пор не получившем достаточного освещения в историографии, сохранились в архиве трансваальского посланника Лейдса, а также в Архиве внешней политики Российской империи.

Обращаясь к России и Франции, бурские делегаты предполагали, что эти державы из соображений гуманности возьмут южноафриканские республики под дружественную опеку. Но правительства европейских государств трактовали протекторат как форму колониальной зависимости. Кроме того, Россия и Франция не желали военной конфронтации с могучей Британской империей ради далеких республик, не входивших в сферу их политических и колониальных интересов. Попытка представителей Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства обеспечить для своих республик российско-французский протекторат была обречена на неудачу.

Ключевые слова: Южная Африка, англо-бурская война, протектораты, Африка во внешней политике Российской империи

Для цитирования: Горелик Б.М. Российский протекторат для бурских республик. Неосуществленная идея противодействия британскому империализму. *Восток (Oriens)*. 2023. № 5. С. 44–56. DOI: 10.31857/S086919080024664-7

RUSSIAN PROTECTORATE FOR THE BOER REPUBLICS:
REJECTED MEASURE TO COUNTER BRITISH IMPERIALISM

© 2023

Boris M. GORELIK ^a

^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Abstract: *The South African War, also known as the Anglo-Boer War of 1899–1902, evoked an immense public response in Russia; not even the ruling circles remained unmoved. The governments of the Boer republics, the Transvaal and the Orange Free State, convinced their citizens that the Russian Empire, as the initiator of the Hague Peace Conference and the only great power that had no colonies in Africa, would be able to unite European nations and the United States to help the Boers to counter British imperialism. By June 1900, it had become clear that the Great Powers were unable to overlook their geopolitical differences in order to offer collective mediation or any other beneficial support to the belligerents. On behalf of the official Boer delegation, which was visiting the United States, the Transvaal envoy conveyed a request for a joint protectorate over the Transvaal and the Orange Free State to the diplomatic representatives of Russia and its ally France. Appealing to Russia and France, the Boer delegates assumed that these powers would provide friendly guardianship to the two republics in South Africa. However, the European governments of the period understood protectorate as a form of colonial dependence. Besides, Russia and France did not want a military confrontation with the mighty British Empire for the sake of the Boer states that were outside the sphere of their political and colonial interests. The attempt of the representatives of the Transvaal and the Orange Free State to secure a Russo-French protectorate for their republics was predestined to fail.*

Keywords: South Africa, South African War, protectorates, Africa in the foreign policy of the Russian Empire

For citation: Gorelik B.M. Russian Protectorate for the Boer Republics: Rejected Measure to Counter British Imperialism. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 5. Pp. 44–56. DOI: 10.31857/S086919080024664-7

ВВЕДЕНИЕ

9 июня 1900 г., когда в Южной Африке шла англо-бурская война, российский министр иностранных дел получил необычную телеграмму от посланника в Брюсселе. В телеграмме сообщалось, что бурские республики, Трансвааль (Южно-Африканская Республика) и Оранжевое Свободное Государство, просят Россию совместно с Францией принять над ними протекторат [Телеграмма Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву. 27 мая (9 июня) 1900 г. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2122, л. 30].

У этой просьбы о защите от британской колониальной экспансии были прецеденты. К царю и его правительству во второй половине обращались за помощью африканские и азиатские правители¹. Подобные запросы также поступали с юга Африки. Например, в 1886 г. верховный вождь народа мпондо Мкикела писал Александру III. Правитель Пондоленда, на территории нынешней южноафриканской провинции Восточный Кейп,

¹ См., например, письмо махараджи Далипа Сингха к Александру III с просьбой принять Пенджаб под протекторат России, 10 мая 1887 г. [*ГАРФ*, ф. 677, оп. 1, д. 476].

хотел предотвратить британскую аннексию своих земель. Мкикела пытался убедить императора содействовать в этом, обещая взамен право на добычу полезных ископаемых в Пондоленде для российских подданных [Давидсон, Филатова, 2010, с. 82–84].

Демарш Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства в июне 1900 г. необычен тем, что речь шла о протекторате, а этот режим в контексте раздела Африки обычно означал потерю как внешней, так и внутренней независимости «протектируемых» государств [Черноголовкин, 1956, с. 87]. Но в то время эти две республики отстаивали свой суверенитет в империалистической войне. Тысячи граждан отдали жизни за независимость своих государств.

Протекторат как вид колониальной экспансии распространился в последней трети XIX в. Установление этого режима подразумевало лишение или значительное ограничение международной правосубъектности государства-протекте. Условия соглашений о протекторате для африканских государств и территорий были кабальными, обеспечивая максимальные политико-экономические преимущества и существенную свободу действий протектора [Черноголовкин, 1956, с. 75].

Территории колониальных протекторатов, по экономическим или военно-политическим причинам, не присоединялись к владениям протектора, но их внутреннее управление было аналогично управлению колонией или завоеванной страной. Власть государства-протектора на территории колониальных протекторатов была неограниченной и постоянной [Crawford, 2006, p. 300–302]. Почти все они находились в Африке. На юге континента в годы англо-бурской войны британскими протекторатами были Баротселенд – Северо-Западная Родезия, Северо-Восточная Родезия и Бечуаналенд; германским – Юго-Западная Африка.

Тем не менее просьба бурских республик о протекторате в июне 1900 г. не означала, что они были готовы отказаться от независимости и подчиниться России и Франции вместо Великобритании. Несмотря на отчаянное положение Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, их правительства не соглашались с потерей самостоятельности республик. Хотя видные бурские генералы, такие как Л. Бота и Б. Фильюн, считали дальнейшее сопротивление бессмысленным и в начале июня посоветовали трансваальскому президенту закончить войну, их предложение было отклонено [*The New History of South Africa*, 2007, p. 214]. Еще два года после обращения к России и Франции буры продолжали сражаться и признали свое поражение лишь в мае 1902 г.

НАДЕЖДЫ БУРОВ НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО РОССИИ В АНГЛО-БУРСКИЙ КОНФЛИКТ

В XIX в. Российская империя была единственной великой державой, которая никогда не имела колоний в Африке и не намеревалась их приобретать. Между тем политические и колониальные противоречия на других континентах не раз приводили Россию к вооруженному противостоянию с Британской империей. Националистически настроенным африканерам (бурам) представлялось, что Россия также может быть заинтересована в препятствовании британской экспансии и социально-политической гегемонии на юге Африки.

Подобные настроения наблюдались в Южной Африке уже в первой половине столетия. Российский моряк, посетивший Капскую колонию в 1841 г., записал высказывание винодела-африканера, недовольного компенсацией от колониальных властей за освобожденных рабов: «Вы, русские, сильны: что б хоть вам избавить нас от этих раздутых портером пожирателей ростбифа!» [Бутаков, 1844, с. 22.]

В Южно-Африканской Республике (Трансваале), основанной в 1852 г. африканерами, эмигрировавшими из Капской колонии, правительство возлагало надежды на далекую и

незнакомую Россию. Это проявилось в середине 1870-х гг., когда возникла угроза аннексии республики Британской империей. Чтобы получить выход к Индийскому океану и укрепить международные связи, президент Трансвааля Т.Ф. Бюргерс решил построить железную дорогу от Претории до бухты Делагоа в португальском Мозамбике (нынешняя бухта Мапуту). В 1875 г. британский МИД получил сведения, что Бюргерс попросил Россию, Германию и США выступить в качестве гарантов того, что Делагоа не перейдет к Британской империи. Но барон А.Г. Жomini, управляющий российским министерством иностранных дел, в ответ на запрос британского государственного секретаря по иностранным делам заявил, что не знает о Бюргерсе и мало осведомлен о Трансваале [Uys, 1933, p. 153].

Буры вернулись к мысли об обращении к России за месяц до британской аннексии Трансвааля в 1877 г. Ожидая, что Великобритания скоро попытается покончить с независимостью республики, вице-президент П. Крюгер пытался организовать сопротивление при международной поддержке. 10 марта он предложил президенту и правительству привлечь внимание России, Германии и США к агрессивным намерениям Великобритании в отношении Трансвааля, но эта идея осталась нереализованной [*Paul Kruger's Amptelike briewe*, 1925, p. 218].

С начала англо-бурской войны 1899–1902 гг. правительства Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства поддерживали у граждан республик ожидания помощи от великих держав. В сообщениях о скором выступлении европейских государств желаемое выдавалось за действительное, чтобы укрепить боевой дух бурских отрядов [Pretorius, 2009, p. 412].

Не только рядовые бойцы, но и некоторые бурские военачальники, по свидетельству трансваальского генерала Фильюна, «думали, что Россия, Франция, Германия или Соединенные Штаты Америки непременно вмешаются, как только военная удача отвернется от нас» [Viljoen, 1973, p. 75–76]. Посредством официальных изданий бурские правительства уверяли граждан, что эти страны постараются принудить Великобританию заключить почетный мир с республиками. Предполагалось также, что великие державы выступают посредниками при урегулировании этого конфликта, что позволит сохранить независимость Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства.

Бойцам говорили, что европейские государства и США могут, с помощью дипломатических или военных демаршей, вынудить Великобританию отозвать часть войск из Южной Африки. Например, в январе 1900 г. трансваальское правительство распространило перевод выдержек из статьи русской газеты «Новости», озаглавив его «Северный медведь и наша борьба»². В статье, которая, как заверяли публикаторы, отражала позицию российского МИД, утверждалось, что Россия защитит независимость бурских республик. Миллионы российских солдат готовы выступить в Азии против Великобритании, что позволит оттянуть ее силы, которые могли быть направлены на покорение буров [Boer Version, 1901, p. 38]. Такими сообщениями подпитывались слухи в бурских отрядах о том, что Германия, Франция и Россия постараются остановить войну [Lane, 2001, p. 81].

О подобных представлениях у буров стало известно российским военным агентам, направленным в Южную Африку, чтобы изучить, как ведет боевые действия британская армия, считавшаяся наиболее вероятным противником российской армии. Подполковник Н.М. Иолшин, вернувшийся в 1900 г. на родину из Трансвааля, докладывал военному министру, что буры считали Россию обязанной напасть на Великобританию. «Объяснение

² Возможно, имелись в виду петербургские «Новости и Биржевая газета». Мне не удалось найти эту статью в номерах за декабрь 1899 г. – январь 1900 г., хранящихся в Российской государственной библиотеке. Впрочем, исходный материал мог быть опубликован в московском таблоиде «Новости дня».

причины “почему?” и [предлога] для такой войны, – сообщал Иолшин, – как я ни добивался, не мог от них получить» [*Англо-бурская война 1899–1902 годов*, 2012, с. 276].

ИДЕЯ ОБРАЩЕНИЯ К ВЕЛИКИМ ДЕРЖАВАМ

При оценке этих представлений надо иметь в виду, что российские представители, прибывшие к бурам в эти годы, подтверждали, что на помощь России можно рассчитывать. Например, подполковник Е.Я. Максимов, отправившийся в Южную Африку за государственный счет с ведома (а, возможно, и по заданию) военного министерства, убеждал президентов Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства при личной встрече в начале марта 1900 г., что инициировать дипломатический демарш в защиту республик может именно Россия, а Франция и Германия последуют за ней. Лишь Россия, считал Максимов, способна активно повлиять на Великобританию.

К тому времени наступление бурских отрядов на всех фронтах прекратилось. Британская армия одержала несколько важных побед, отомстив за унижительные поражения ноября – декабря 1899 г., и готовилась к решительному контрнаступлению. Новый главнокомандующий лорд Ф. Робертс и начальник его штаба лорд Г. Китченер сосредоточили в Южной Африке более 180 000 солдат, что превышало мужское население обеих бурских республик [*The New History of South Africa*, 2007, р. 212]. Неуклонно продвигаясь вперед, эта армия стала вытеснять бурские вооруженные формирования обратно на территорию Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства. Сокрушительным ударом для буров стала сдача в плен их генерала П. Кронье и более четырех тысяч бойцов 27 февраля в сражении при Паардеберге.

В этой сложной ситуации Максимов посоветовал бурским президентам обратиться к Николаю II с просьбой использовать решения Гаагской мирной конференции, чтобы достичь мира на юге Африки. Русский офицер заверял собеседников, что у царя «доброе и справедливое сердце»; совместно с другими европейскими правителями российский монарх сможет защитить бурские республики. Президент Оранжевого Свободного Государства М.Т. Стейн заметил на это, что России выгодно продолжение англо-бурской войны: отнимая силы Великобритании в Африке, она ослабляет ее позиции в Азии, где сосредоточены российские интересы. Максимов возразил, что «русское сердце стоит выше личных выгод», иначе Россия не участвовала бы в освободительной борьбе славянских народов на Балканах. Подполковник утверждал, что надо лишь прямо попросить великие державы о заступничестве, и они, движимые неприязнью к британскому экспансионизму, сообщат о безопасности бурских республик [Из записной книжки подполковника, 1999, с. 182–183].

Действительно, Россия, материально не заинтересованная в южноафриканских делах, могла участвовать в урегулировании англо-бурского противостояния, руководствуясь морально-этическими соображениями. Гуманитарное направление ее внешней политики было задано инициативой по созыву мирной конференции в Гааге. Англо-бурская война разразилась всего через несколько месяцев после завершения этого важного международного форума. Решения об ограничении вооружений, создании международного третейского суда и правилах ведения войн, принятые на конференции, не смогли ни предотвратить, ни прекратить южноафриканский вооруженный конфликт. И все же Николай II, который тогда воспринимался международной общественностью как монарх-миротворец, желал помочь бурам. По его указанию, российский МИД с начала войны несколько раз пытался по дипломатическим каналам организовать совместный демарш великих держав для примирения противников в Южной Африке.

Тем не менее царские дипломаты сомневались в успехе предложений посредничества. Причины их скептицизма изложил российский посол в Лондоне барон Е.Е. Стааль в письме к министру иностранных дел в марте 1900 г. – примерно в тот период, когда Максимов побуждал бурских президентов просить заступничества у России. С одной стороны, объяснял Стааль, на мирной конференции в Гааге признано, что предложение добрых услуг нейтральными странами не может расцениваться воюющими сторонами как недружественный шаг. С другой же стороны, положения Гаагской конвенции не предполагают принуждения к миру или обязательного международного посредничества. Если воюющая сторона настаивает, что задеты ее честь или фундаментальные интересы, она вправе отказаться от медиации. Правительство Великобритании склонно было отвергнуть предложения посредничества как вмешательство в ее дела. Оно настаивало, что по англо-трансваальским договорам 1881 и 1884 гг. за Британской империей сохраняется сюзеренитет над Южно-Африканской Республикой.

На Великобританию мог бы повлиять одновременный и совместный демарш великих держав. Но Стааль полагал, что России не удастся организовать его. Германия хочет избежать противоречий с Великобританией, и поэтому откажется от участия в действиях, которые вызовут неудовольствие в Лондоне. А Франция, хотя и присоединится к России, своей союзнице, потребует участия Германии, чтобы разделить с ней ответственность в случае провала. Таким образом, России придется в одиночку предлагать Великобритании посредничество.

«Подходящая ли это для нас роль? – спрашивал Стааль. – Имеет ли для нас какой-либо смысл пойти на несомненную неудачу, тогда как из всех великих держав наши интересы менее всего непосредственно затрагиваются войной в Южной Африке?» [Письмо Е.Е. Стааля М.Н. Муравьеву, 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2121, л. 133]

Это были риторические вопросы. Посол полагал, что России нельзя брать на себя инициативу, чтобы не ухудшить отношения с могущественной Великобританией.

Итак, Максимов был прав, когда уверял бурских президентов, что российский император лично заинтересован в устранении южноафриканского конфликта. Именно с Россией и ее монархом стоило связывать надежды на вмешательство европейских держав. Но русский офицер переоценивал готовность своей страны, а также Франции и Германии к конфронтации с Британской империей. При этом возможность продуманного дипломатического демарша и содействия решению южноафриканского вопроса сохранялась.

ОТЪЕЗД БУРСКОЙ ДЕПУТАЦИИ

5 марта 1900 г. бурские президенты отправили британскому премьер-министру телеграмму с предложением заключить мир при условии признания независимости их республик. А неделю спустя они также обратились к европейским державам и США с просьбой о посредничестве для предотвращения дальнейшего кровопролития. По-видимому, правительства республик были уверены в благоприятном исходе своего демарша. Президент Стейн обещал гражданам Оранжевого Свободного Государства, что в течение шести недель великие державы вмешаются в конфликт [Pretorius, 2009, p. 413]. Возможно, это было связано с уверениями, данными ему Максимовым во время беседы в Блумфонтейне («месяца через два Европа вмешается») [Из записной книжки подполковника, 1999, с. 183].

Получив обращение Крюгера и Стейна, российский министр иностранных дел поручил послам узнать, как европейские правительства отнеслись бы к совместному с Россией предложению добрых услуг воюющим сторонам. Но уже через два дня, 16 марта, он отозвал свое распоряжение. Дело в том, что к тому времени были обнародованы не только телеграм-

ма бурских президентов с категорическими требованиями к премьер-министру Солсбери признать независимость республик, но и категорический отказ последнего. Более того, выяснилось, что США уже предложили посредничество, но Великобритания отказалась от их услуг. Для России не было смысла предпринимать аналогичный демарш.

В первой половине марта бурские республики также направили в Европу депутацию, чтобы убедить великие державы помочь разрешению южноафриканского конфликта. Она состояла из видных политических деятелей Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства: А. Фишера, К.Х. Вессельса и А.Д.В. Вольмаранса.

Хотя правительства республик намеревались сохранить отъезд депутации в секрете, европейская пресса провела о ней, а также о связанных с нею завышенных ожиданиях буров. Сопровождать и консультировать делегатов по прибытии было поручено В.Й. Лейдсу, посланнику Южно-Африканской Республики, аккредитованному в европейских столицах. Лейдс сомневался в успехе их миссии. Делегаты, по его мнению, были неспособны справиться с ней:

«Фишера я знал как одного из наших самых рассудительных людей, но не дипломата, — рассказывал Лейдс позднее. — Вессельс и Вольмаранс были, конечно, достойными людьми, но по темпераменту еще меньше подходили для такой задачи» [Van Hoek, 1939, p. 31].

Помимо этого, Лейдса беспокоило, что Великобритания месяцем раньше отвергла американское предложение посредничества. Казалось маловероятным, что великие державы снова попытаются повлиять на нее.

Трансваальский посланник предполагал, что депутация попросит его совета о том, в каком порядке им следует посетить великие державы. Он отправился в Париж, где попытался выяснить мнение об этом российского посла князя Л.П. Урусова [Донесение Л.П. Урусова М.Н. Муравьеву, 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2121, л. 166]. Посол, не имея инструкций из Петербурга, согласился обсудить вопрос лишь частным образом. Он рекомендовал сначала отправиться в Берлин. До сих пор Германия отказывалась предложить посредничество для решения южноафриканского вопроса, но, если удастся убедить кайзера и его правительство заступиться за бурские республики, Россия и Франция присоединятся к такому демаршу. С другой стороны, если Германия не прислушается к просьбе бурских делегатов, другие европейские державы откажутся действовать без нее. По мнению Урусова, в последнюю очередь надо было ехать в США. При неудаче миссии в европейских столицах изоляция бурских республик может вызвать горячее сочувствие американской общественности. Возможно, это вынудит правительство Соединенных Штатов оказать бурам дипломатическую поддержку [Донесение Л.П. Урусова М.Н. Муравьеву, 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2121, л. 168–169].

ОТНОШЕНИЕ К ДЕПУТАЦИИ В РОССИИ

10 апреля депутация сошла на берег в Неаполе и направилась в Милан. Делегаты планировали по отдельности направиться в Россию, Германию и Францию. В установленный день они намерены были обратиться с просьбой о посредничестве к этим государствам [Изьединова, 1903, с. 135]. Как бы то ни было, Лейдс, встретив делегатов в Милане, объяснил, что ситуация не благоприятствует вмешательству держав. Кроме того, переговоры необходимо было подготовить, предупредив правительства о намерении депутации посетить их страны. Некоторые правительства, особенно германское, могли отказаться принять делегатов на официальном уровне.

Со слов дипломатического представителя Трансвааля российский посланник в Бельгии Н.Н. Гирс донес в Петербург, что депутация была «очень обескуражена», когда Лейдс рас-

сказал ей о политической ситуации в Европе [Телеграмма Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву. 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2121, л. 187]. Решено было прежде всего посетить дружественные Нидерланды и там продумать дальнейший маршрут.

Лейдс призвал последовать рекомендации Урусова и, прежде всего, просить о возможности быть принятыми в Берлине. Позднее трансваальский посланник признавал, что поездка в Германию не принесла бы пользы, поскольку кайзер и его правительство не желали вмешиваться в англо-бурский конфликт [Leyds, 1931, р. x]. Но в апреле 1900 г. Лейдс считал, что мнение российского посла отражало позицию императорского правительства, которую не следовало игнорировать.

Чтобы убедить делегатов, Лейдс привез Фишера в Париж и 22 апреля представил Урусову. Глава делегации осведомился у российского посла, посоветует ли он делегатам направиться из Нидерландов в Петербург, прежде чем посетить другие европейские столицы. «Они считают его императорское величество самым великим и благородным другом мира среди государей и наиболее расположенным к бурям, – сообщал Урусов в отчете об этой беседе. – Вследствие этого они могут надеяться на великодушное обещание заступничества, которое послужило бы мощным доводом в их пользу перед другими кабинетами» [Донесение Л.П. Урусова М.Н. Муравьеву, 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 910, д. 116, л. 190].

Урусов дал понять Фишеру, что российское правительство готово участвовать в коллективном демарше. Задача делегации – убедить и остальные державы совместно предложить посредничество воюющим сторонам. «Подобный результат явился бы блестящим успехом бурской миссии и должен считаться максимумом того, на что она может надеяться», – заключил посол [Донесение Л.П. Урусова М.Н. Муравьеву, 1900. *АВПРИ*, ф. 350, оп. 910, д. 116, л. 190].

Чтобы проверить это высказывание, Лейдс по возвращении в Брюссель осведомился у Гирса, целесообразно ли делегации в ближайшие недели посетить Петербург для встречи с царем и министром иностранных дел. Российский посланник сообщил, что Николай II находится в Москве и не сможет принять там делегатов. Поскольку, по мнению делегации, ей будет отказано в официальном приеме в Берлине, Гирс посоветовал Фишеру, Вессельсу и Вольмарансу вместо посещения европейских стран отправиться в США [Донесение Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву, 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2121, л. 195–196]. Эта рекомендация была одобрена российским министром иностранных дел [Телеграмма М.Н. Муравьева Н.Н. Гирсу. 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2121, л. 204].

Российский МИД считал несвоевременными и нецелесообразными инициативы посредничества для прекращения южноафриканского конфликта. Войска Великобритании продолжали наступление в Южной Африке. Не оставалось приемлемых дипломатических способов заставить британцев начать переговоры о мире. Надежды на совместный демарш с Германией не оправдались из-за франко-германского антагонизма и нежелания кайзера и его правительства осложнять отношения с Великобританией. Ни Россия, ни другие державы не хотели вступать в войну на стороне буров. Оставалось надеяться, что Великобритания, желая покончить с затянувшимся противостоянием, когда-нибудь пойдет на переговоры с международным участием. Тем временем Россия пыталась использовать ситуацию для укрепления своего политико-экономического влияния в Азии.

ПРОСЬБА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОТЕКТОРАТА

В США делегация прибыла в первой половине мая и встретила с президентом У. Мак-Кинли и госсекретарем Дж.М. Хеем. Бурь были приняты любезно, но президент заявил, что его правительство будет соблюдать беспристрастный нейтралитет [Bossenbroek,

2018, р. 265]. В интервью российскому журналисту А. Фишер высказал мнение, что американский народ хотел бы помочь бурам, но «правительство виляет. По-видимому, оно поддерживает политику Англии» [Вожин, 1900].

Руководитель бурской делегации верно оценил ситуацию. За несколько лет до англо-бурской войны началось политическое сближение между Великобританией и США. Во время испано-американской войны 1898 г. Великобритания, в отличие от государств континентальной Европы, поддерживала Соединенные Штаты. Теперь, когда шла война на юге Африки, где интересы США были незначительны, американское правительство сделало ответную любезность. Соединенные Штаты соблюдали доброжелательный нейтралитет в отношении британских действий в Южной Африке. Со своей стороны, британское правительство стало сотрудничать с коллегами в Вашингтоне по урегулированию существенных для них разногласий в Северной Америке. Несмотря на то, что общественность и большинство конгрессменов сочувствовали бурам, госсекретарь Хей осуществлял пробританскую политику на протяжении англо-бурской войны [Tilchin, 2014, р. 108–109].

Делегации не удалось использовать симпатии американского общества, чтобы достичь главной цели – побудить правительство США к демаршу в пользу прекращения войны. Делегаты еще надеялись, что перед ноябрьскими президентскими выборами Мак-Кинли сделает жест доброй воли бурским республикам, уступая общественному мнению. Но, помимо этого, нужно было продолжать работу в Европе.

На второй неделе пребывания делегации в США, 24 мая, Вольмаранс написал Лейдсу о своем разочаровании в американском правительстве. Оно публично отказывалось вступить за республики, хотя их положение становилось «безнадежным» [Leyds, 1931, р. 153]. Бурские вооруженные формирования с боями отступали под натиском противника, сдавая стратегически важные населенные пункты на своей территории. В марте британцы взяли столицу Оранжевого Свободного Государства, Блумфонтейн. Армия Робертса вела карательные операции против гражданского населения республик, уничтожая домашнее хозяйство тех семей, чьи мужчины продолжали сражаться против оккупационных войск. Людские и материальные ресурсы британской армии значительно превосходили то, чем располагали защитники республик. Буры продолжили сражаться, но их действия все больше напоминали партизанскую войну.

«Поработайте с российским посланником, если он заслуживает доверия, – попросил Вольмаранс Лейдса, – и узнайте, готовы ли они вместе с французами взять обе республики под свою опеку [voogdijnschap] и остановить войну» [Leyds, 1931, р. 153].

Вольмаранс полагал, что Россия и Франция не желают поражения буров, своих потенциальных союзников на юге Африки. Статус попечителей (в письме употреблено английское слово «trustees») даст этим государствам право вмешаться в конфликт, а также обеспечит привилегии в торговле с бурскими республиками после войны. Россия и Франция, может быть, договорятся с Германией и даже США о совместной опеке Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства.

Почему бурский делегат не считал нужным обратиться по этому вопросу и к представителю Германии? Такой вопрос может возникнуть, если вспомнить, что кайзер Вильгельм II еще до англо-бурской войны намеревался объявить протекторат над Южно-Африканской Республикой. Тогда, в первые дни января 1896 г., императору сообщили о «набеге Джемсона», попытке С. Родса, премьер-министра Капской колонии, вызвать восстание англоязычных иммигрантов в Трансваале. Возмущенный Вильгельм II собирался отдать приказ о занятии бухты Делагоа и военной поддержке буров. На совещании с руководителями внешнеполитического, военного и морского ведомств император заявил, что Германии необходимо взять Трансвааль под свое покровительство, даже если это может

привести к прямому вооруженному столкновению с Великобританией. Но статс-секретарю по иностранным делам удалось отговорить своего монарха от опрометчивого шага [Röhl, 2015, p. 785].

К 1900 г. Германия и Великобритания совместно решили несколько важных колониальных вопросов, и берлинский кабинет не желал ссориться с лондонским. После заключения франко-русского союза и усиления британского флота, кризис в отношениях с Великобританией мог повредить международному положению Германии. Кроме того, кайзер и его сподвижники не забыли, что в 1896 г. Россия и Франция отвергли их предложение совместного демарша в защиту Трансвааля, а также проигнорировали демарш бурской республики с предложением нейтралитета при условии гарантий ее безопасности со стороны европейских держав [The Cambridge History, 1936, p. 564–565; Ерусалимский, 1974, с. 86]. Германия тогда осталась один на один с раздраженной Великобританией, и после начала южноафриканской войны правительство в Берлине стремилось не повторять этой ошибки. Ради взаимопонимания с правительством королевы Виктории решено было поступиться интересами бурских республик.

Письмо Вольмаранса из Вашингтона, прочтенное Лейдсом 8 июня, поставило трансваальского посланника в трудное положение. Он предполагал, что делегат просит обратиться к российскому посланнику по собственной инициативе. По крайней мере, в полученном Лейдсом в тот же день письме от Фишера, руководителя депутации, эта идея не упоминалась. Более того, предложение Вольмаранса представлялось Лейдсу неразумным и нереализуемым [Leyds, 1931, p. xi]. Само существование бурских республик было уже под вопросом, ведь британское наступление продолжалось. Правительства, от имени которых выступали Фишер, Вессельс и Вольмаранс, больше не контролировали значительную часть территории своих стран. Британское командование, заняв Блумфонтейн, объявило об аннексии Оранжевого Свободного Государства. 31 мая британцы взяли столицу Трансвааля.

Тем не менее трансваальский посланник считал, что обязан выполнить волю бурского делегата. В тот же день Лейдс отправил письмо секретарю трансваальской миссии в Брюсселе Ф.А. ван дер Хуфену, передавая просьбу Вольмаранса. В изложении посланника речь шла не об опеке, а о протекторате (protectoraat) над бурскими республиками.

Лейдс поручил секретарю брюссельской миссии посетить российского посланника Гирса и его французского коллегу А. Жерара и сообщить о ходатайстве депутации. «Это делается, только чтобы доставить удовольствие г-ну Вольмарансу, а не потому, что я считаю, что это даст хотя бы какой-то результат, – признавался Лейдс. – Ведь принятие протектората над обеими республиками означало бы войну с Англией; а Россия и Франция достаточно ясно показали, что в данный момент они не заинтересованы в этом и что они, разумеется, не пойдут на это ради нас» [Leyds, 1931, p. 155].

Поручение Лейдса было выполнено, и посланники России и Франции направили телеграммы своим правительствам. «Я дал понять [ван дер Хуфену], – докладывал Гирс в Петербург, – что, по моему личному впечатлению, этот демарш в момент, когда обе столицы и почти вся страна находятся в руках англичан, гадателен и исключает возможность практического результата, несмотря на сочувствие, высказанное Россией к героической защите и всегда рыцарской позиции буров. Тем не менее мы согласились с Жераром, что трудно в теперешних печальных обстоятельствах отказать даже в таком выражении сочувствия, которое состоит в сообщении нашим кабинетам о предпринятом перед нами демарше» [Телеграмма Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву. 1900. АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 2122, л. 30].

Через два дня, 11 июня, пришел ответ из России. Временно исполнявший обязанности министра иностранных дел В.Н. Ламздорф согласился с мнением, которым Гирс поделился с официальным представителем Трансвааля. Российское правительство, сообщал министр,

искренне симпатизирует южноафриканским республикам, но считает просьбу о протекторате несвоевременной [Телеграмма В.Н. Ламздорфа Н.Н. Гирсу. 1900 г. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2122, л. 31]. Такой же ответ поступил от французского министерства иностранных дел. Гирс известил Лейдса, приехавшего в Брюссель, о решении своего правительства по поводу демарша бурской депутации. «Мой коллега из Трансвааля, – уведомил Ламздорфа российский посланник, – со свойственным ему здравомыслием и дальновидностью, не ожидал иного результата» [Донесение Н.Н. Гирса В.Н. Ламздорфу, 1900. *АВПРИ*, ф. 151, оп. 482, д. 2122, л. 32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь в июне 1900 г. к России и Франции с просьбой взять под опеку Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, буры не имели в виду установление колониального протектората. Такой режим не был приемлем для защитников независимости южноафриканских республик. Должно быть поэтому, формулируя просьбу от имени депутации в письме к Лейдсу, Вольмаранс не употребил термин «протекторат». Он говорил лишь о русско-французской «опеке».

Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство были основаны потомками европейских колонистов, и их законодательство и принципы управления следовали европейским образцам. Эти республики обладали достаточной независимостью, чтобы считаться государствами в то время, когда большинство африканских наций еще не рассматривались европейцами как субъекты международного права [Nuzzo, 2017, p. 281]. Бурские республики считались форпостом европейской цивилизации на юге Африки.

Апеллируя к России и Франции, бурские делегаты предполагали, что эти державы из соображений гуманности возьмут южноафриканские республики под дружественную опеку. Это мог быть протекторат в первоначальном значении этого термина, то есть неравноправный союз между государством-протекте и более сильным в военно-политическом государством, которое обеспечивало его защиту. При этом государство, пользовавшееся покровительством, могло сохранять суверенитет [Crawford, 2006, p. 287].

Но к концу XIX в. правительства европейских государств трактовали протекторат как форму колониальной зависимости. Кроме того, Россия и Франция не желали военной конфронтации с могучей Британской империей ради южноафриканских республик, не входивших в сферу их политических и колониальных интересов. Попытка представителей Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства обеспечить для своих республик российско-французский протекторат была обречена на провал.

Автор благодарен южноафриканским коллегам – Рольфу Проске и проф. Говарду Филиппу (общество «Исторические публикации Южная Африка», Кейптаун), а также Луи Фентеру (Военный музей бурских республик, Блумфонтейн) – за помощь в работе над этой статьей.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [AVPRI – Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации [GARF – Russian State Archive of the Russian Federation].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Под ред. Г.В. Шубина и др. Т. 4. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012 [*The Anglo-Boer War of 1899–1902 through the Eyes of Russian Subjects.* Ed. G.V. Shubin et al. Vol. 4. Moscow: Izdatel I.B. Bely, 2012 (in Russian)].

Бутаков А. Записки русского морского офицера. *Отечественные записки*. 1844. Т. XXXIII. Отд. II. С. 1–44. [Butakov A. Memoirs of a Russian Naval Officer. *Otechestvennye zapiski* (=The Native Notes). 1844. Vol. XXXIII. Part II. Pp. 1–44 (in Russian)].

Вожин [Дубенский П.Н.]. У бурских делегатов. *Новое время*. 1900. 10 (23) июля. С. 2 [Vozhin [Dubensky P.N.] A Visit to Boer Delegates. *Novoe Vremya* (=The New Time). 1900. 10 (23) July. P. 2 (in Russian)].

Давидсон А., Филатова И. *Россия и Южная Африка: три века связей*. М.: ГУ-ВШЭ, 2010 [Davidson A., Filatova I. *Russia and South Africa: Three Centuries of Relations*. Moscow: HSE University, 2010 (in Russian)].

Донесение Л.П. Урусова М.Н. Муравьеву, 28 марта (10 апреля) 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 166–169 [Report from L.P. Urusov to M.N. Muravyev. 28 March (10 April) 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2121. Pp. 166–169 (in French)].

Донесение Л.П. Урусова М.Н. Муравьеву, 13 (26) апреля 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 187–190 [Report from L.P. Urusov to M.N. Muravyev. 13 (26) April 1900. *AVPRI*. Fund 350. Inv. 910. Case 116. Pp. 187–190 (in French)].

Донесение Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву, 11 (24) апреля 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 195–196 [Report from N.N. Girs to M.N. Muravyev. 11 (24) April 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2121. Pp. 195–196 (in French)].

Донесение Н.Н. Гирса В.Н. Ламздорфу, 29 мая (11 июня) 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2122. Л. 32 [Report from N.N. Girs to V.N. Lamsdorf. 29 May (11 June) 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2122. P. 32 (in French)].

Ерусалимский А.С. *Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII–XIX вв.* М.: Наука, 1974 [Erusalimskiy A.S. *Colonial Expansion of Capitalist Powers and Liberation Movement of the Peoples of South Africa and China in the 17th–19th Centuries*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Из записной книжки подполковника в отставке Е.Я. Максимова. Южная Африка. 1900. *Россия и Африка. Документы и материалы XVIII–1960 г.* Под ред. А.Б. Давидсона и др. Т. 1. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. С. 182–186 [From the Notebook of E.Y. Maksimov, a Retired Colonel. South Africa. 1900. *Russia and Africa. Documents and Materials, 18th Century – 1960*. Ed. A.B. Davidson et al. Vol. 1. Moscow: Institut vseobschey istorii RAN, 1999. Pp. 182–186 (in Russian)].

Изъединова С.В. *Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия*. СПб: Типография А.С. Суворина, 1903 [Izyedinova S.V. *Several Months with the Boers. Memoirs of a Sister of Mercy*. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1903 (in Russian)].

Письмо Е.Е. Стааля М.Н. Муравьеву, 1 (14) марта 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 130–134 [Letter from E.E. Staal to M.N. Muravyev. 1 (14) March 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2121. Pp. 130–134 (in French)].

Письмо махараджи Далипа Сингха к Александру III. 10 мая 1887 г. *ГАРФ*. Ф. 677. Оп. 1. Д. 476 [Letter from Maharaja Duleep Singh to Alexander III. 10 May 1887. *GARF*. Fund 677. Inv. 1. Case 476 (in English)].

Телеграмма В.Н. Ламздорфа Н.Н. Гирсу, 28 мая (11 июня) 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2122. Л. 31 [Telegram from V.N. Lamzdorf to N.N. Girs. 28 May (11 June) 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2122. P. 31 (in French)].

Телеграмма М.Н. Муравьева Н.Н. Гирсу, 15 (28) апреля 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 204 [Telegram from M.N. Muravyev to N.N. Girs. 15 (28) April 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2121. P. 204 (in French)].

Телеграмма Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву. 2 (15) апреля 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 187 [Telegram from N.N. Girs to M.N. Muravyev. 2 (15) April 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2121. P. 187 (in French)].

Телеграмма Н.Н. Гирса М.Н. Муравьеву. 27 мая (9 июня) 1900 г. *АВПРИ*. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2122. Л. 30 [Telegram from N.N. Girs to M.N. Muravyev. 27 May (9 June) 1900. *AVPRI*. Fund 151. Inv. 482. Case 2122. P. 30 (in French)].

Черноголовкин Н.В. *Формы колониальной зависимости*. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956 [Chernogolovkin N.V. *Forms of Colonial Dependence*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1956 (in Russian)].

Boer Version of the Transvaal War or an English Translation of All Dutch Official Telegrams, Received at Vryheid during Boer War up to the Time when British Troops Occupied Vryheid. London: John Barter, jnr, 1901.

Bossenbroek M. *The Boer War*. New York – Oakland – London: Seven Stories Press, 2018.

Crawford J. *The Creation of States in International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Lane J. *The War Diary of Burgher Jack Lane: 16 November 1899 to 27 February 1900*. Cape Town: Van Riebeeck Society, 2001.

Leyds W.J. *Derde verzameling (Correspondentie 1900). Deel 1*. Dordrecht: Geuze, 1931.

Nuzzo L. Territory, sovereignty, and the construction of the colonial space. *International Law and Empire: Historical Explorations*. Ed. M. Koskenniemi et al. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 263–292.

Paul Kruger's Amptelike briewe, 1851–1877. Pretoria: Volkstem-drukkery, 1925.

Pretorius F. Boer Propaganda during the South African War of 1899–1902. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2009. Vol. 37. No. 3. Pp. 399–419.

Röhl J.C.G. *Wilhelm II. The Kaiser's Personal Monarchy 1888–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

The Cambridge History of the British Empire. Ed. A.P. Newton and E.A. Benians. Vol. VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1936.

The New History of South Africa. Ed. H. Giliomee and B. Mbenga. Cape Town: Tafelberg, 2007.

Tilchin W.N. The United States and the Boer War. *The International Impact of the Boer War*. Ed. K. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 107–122.

Uys C.J. *In the Era of Shepstone: Being a Study of British Expansion in South Africa (1842–1877)*. Lovedale: Lovedale Press, 1933.

Van Hoek K. *Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds*. London, 1939.

Viljoen B. *My Reminiscences of the Anglo-Boer War*. Cape Town: C. Struik, 1973.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОРЕЛИК Борис Моисеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Boris M. GORELIK, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for Southern African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.